

Медушевский А.Н. УТВЕРЖДЕНИЕ АБСОЛЮТИЗМА В РОССИИ. Сравнительно-историческое исследование. М.: Текст, 1994. 300 с.

Медушевский А.Н. ИСТОРИЯ РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ. М.: Высшая школа, 1993. 317 с.

Две книги А.Н.Медушевского, несмотря на то, что, судя по названиям, посвящены они разным темам, — в сущности образуют единое целое. В "Истории русской социологии" Медушевский цитирует высказывание одного из учеников и биографов М.М.Ковалевского: "Конечно, Ковалевский — историк прежде всего, но историк с очень определенным направлением, историк-социолог" (с. 120). Вот, по-видимому, характеристика, вполне применимая и к самому Медушевскому.

В соответствии с этим "Утверждение абсолютизма в России" соотносится с "Историей русской социологии" приблизительно как "продукт" и "инструмент". "Приблизительно" — по той причине, что в первой из них содержатся значительные экскурсы в область "историко-социологических" исследований, а во второй история собственно социологии тесно связана с историей "внешней". В обеих книгах имена русских историков и социологов встречаются в сочетании с именами государственных деятелей и социологов "западных". Впрочем, внутреннее сродство обеих книг достаточно констатировать: да и трудно было бы ожидать, что из-под пера одного автора выйдут две совершенно разные книги.

Подчеркивание их единства имеет своей целью побудить читателя к одновременному чтению обеих книг, потому что в каждой из них есть нечто недосказанное, и этот момент недосказанности в одной книге отчасти компенсируется параллельным чтением другой.

Петровские преобразования — которым в основном и посвящено "сравнительное исследование" А.Н.Медушевского — имеют в себе некую завораживающую тайну, проникнуть в которую для многих и означает постичь "тайну России". "Петровская реформа, — отмечает автор на последней странице своей книги, — важная веха мировой истории, ибо она символизирует начало процесса модернизации и европеизации в мировом масштабе. Петр Великий — первый реформатор нового времени, а его значение в области государственных преобразований подобно значению Колумба в истории великих географических открытий" (с.299).

Вероятно, автор отдает себе отчет в том, какую ироническую мину подложил он под Петра Великого. В самом начале исследования констатируется, что "абсолютистское государство" есть "фундамент и первый шаг на пути формирования современной тоталитарной системы" (с.5) и значит не зря Сталин из всех русских царей особое почтение питал именно к Петру Великому (правда, еще к Ивану Грозному, но в основе его "чувства" к последнему лежали, по-видимому, другие — "психологические" — причины). Впрочем, некоторым "оправданием" первого русского императора может, пожалуй, служить то обстоятельство, что он, как и Колумб, видимо, не знал, что именно открыл.

К сожалению или к счастью, в исследовании А.Н.Медушевского оценочный подход к реформам Петра да и к самой личности реформатора начисто отсутствует. Может быть, читатель, ожидающий узнать из книги "окончательный" ответ на вопрос: что же такое реформы Петра, "хорошо" это или "плохо", в конце концов? — будет разочарован. Но по-видимому, время и таких вопросов и подобных ответов прошло.

"Для историка, — отмечает Медушевский, — главной проблемой становится вопрос о том, как происходит развитие данного явления во времени. Но возможен и другой подход к тому же явлению, состоящий в попытке рассмотреть механизм его функционирования. При таком подходе центральным оказывается вопрос о том, почему данное явление вообще существует, работает так, а не иначе. Политическая социология позволяет, таким образом, перейти от описания исторических явлений к их анализу. Данный подход положен в основу этой книги" (с.3-4).

В соответствии с таким заданием в пяти главах книги исследуются следующие проблемы: абсолютизм вообще и русский, в частности, отношения общества и государства, природа неограниченной власти, место петровских реформ в перспективе российского и мирового исторического процесса. "Это, — считает автор, — позволяет показать реформы Петра Великого в контексте перехода от традиционной организации управления к рациональной и создания нового типа государственности" (с.5). Из дальнейшего чтения выясняется, что в своих взглядах на "рационализацию" и "бюрократизацию" государственной жизни А.Н.Медушевский в основном следует Максму

Веберу. В "сравнительно-исторической перспективе" путь догоняющего развития (вообще и в России, в частности) принято называть модернизацией или (поскольку в качестве эталона выступают передовые страны Западной Европы) — "европеизацией". Таков — в самом общем виде — подход автора к цели своего исследования.

Наиболее "сильными" главами книги нам кажутся последние — V и VI ("Правящая элита в России" и "Формирование бюрократии нового типа"). Все свои выводы и предположения автор подкрепляет большим количеством архивных данных и свидетельствами современников (правда, в основном иностранцев, что при несколько ином взгляде на петровские реформы снижает их ценность: не "уравновешивается" ли, в самом деле — если не перечеркивается вообще — мнение шведского дипломата того времени, что преобразования "отца отечества" вполне отвечали назревшим потребностям страны, мнением населения самой страны, пусть даже и наиболее отсталой его части, что преобразователь вовсе не "отец", а "антихрист"?).

Очень хорошо показывает автор, что удачи и неудачи петровских реформ (хотя сам он этих оценок не употребляет) были в значительной степени "предзаданы": общество и государство в России как бы слиты воедино, формирование сословий происходило под непосредственным воздействием государства, бюрократизация неизбежно превращалась в милитаризацию и т.д. — при таких условиях малейшая черта в характере "государя" могла иметь (и часто имела) глобальные последствия. Незаметным для читателя образом Медушевский подводит к выводу, что главное "чудо" петровских реформ не в том, что они в чем-то удались или не удались, а в том, что все-таки состоялись, в том, что как бы мы их ни оценивали (а "неоднозначность ее оценки, — справедливо замечает Медушевский об эпохе Петра Великого, — не уменьшается с течением времени, но скорее возрастает") (с.291), мы еще и сегодня испытываем их импульсы. Начиная с эпохи Петра, Россия от интенсивного ("колониационного") типа развития перешла к экстенсивному — внутреннему (что означает: и духовному; недаром науки и искусство тоже берут начало от Петра). Еще и в XIX и даже в XX веках многие в России испытывали по этому поводу сожаление: "Куды же бежать?" — сокрушался Гоголь. Так и мы сегодня, находясь в ситуации, в чем-то напоминающей петровские времена, на горький и неизбежный вопрос "куды же бежать?" должны честно признать: бежать нам некуда, да и незачем, а надо, наконец-то, петровские преобразования довести до конца и не через "окно" скакать в Европу, а как все нормальные люди входить и выходить в намеченные еще Петром Великим двери.

Так нам видится основной, хотя — повторим еще раз — глубоко скрытый (из методологических или каких-либо иных соображений, не знаю) пафос книги Медушевского.

Наиболее спорными моментами книги нам кажутся следующие два. Возможно, что Петр I и был великим "харизматиком", но для легитимного монарха, каким он, несомненно, являлся, это качество не имеет первостепенного значения. Более того, не лишено, по-видимому, основания мнение о том, что харизматические черты личности Петра мешали ему как преобразователю. Кроме того, великий русский царь уже по своему статусу ("венчание на царство") а priori предполагался харизматиком; вне зависимости от того, был он им или не был по структуре своей личности. Вообще термин "харизма", заимствованный из православия, возвращаясь на родную почву, не так хорошо "работает" здесь, как на Западе. Русскому царю даже в золотую пору русского абсолютизма не приходило в голову сказать "Государство — это я!", потому что было очевидно, что и без этих громких и вызывающих слов дело обстоит именно так ("Я — Государь, следовательно, и государство — мое"). Это же можно сформулировать и иначе: "Дайте мне абсолютную власть, а уж харизматиком я и так стану".

Слишком большой "поправочный коэффициент" нужно, по-видимому, вводить и для того, чтобы интерпретировать историю Петра Великого в терминах М.Вебера как переход от традиционного образа жизни к рациональному. Здесь была такая многоступенчатость, что для описания и понимания ее нужно еще одно исследование.

Вторая книга А.Н.Медушевского — "История русской социологии", как уже отмечалось, тесно связана с первой. Здесь, по сути дела, представлен тот научно-методологический инструментарий, который автор весьма успешно использовал при изучении "Утверждения абсолютизма в России".

В небольшом по объему "Введении" Медушевский, касаясь вопроса о предмете и методе социологии, констатирует наличие двух взглядов на социологию, которые условно можно назвать "позитивистским" и "неокантианским". "Смысл существования социологии

как самостоятельной науки, — отмечает Медушевский, — был найден в создании... таких идеальных типов, или образов явлений, которые обобщают их наиболее характерные черты с целью выяснения устойчивых связей и отношений между ними, решения вопроса об их преемственности в общеисторической перспективе" (с. 6).

Вслед за этим автор констатирует (на наш взгляд, не вполне последовательно), что "история социологии в России XIX — начала XX веков — это, несомненно, часть мировой науки", особенности ее по сравнению с западной социологией связаны с "такими своеобразными чертами гуманитарной мысли России, как стремление к целостной философской концепции исторического развития, разработка проблем истории вообще и истории России, в частности, в сравнении с историей других стран, осознанная потребность сопоставления России и Запада; высокая степень политизации общественной мысли, ее тесная связь с политикой и политической деятельностью" (с.7).

С этой констатацией особенностей отечественной социологии и вообще гуманитарного знания спорить, конечно, не приходится. Но настолько ли "несомненно", что "история социологии в России" является "частью мировой науки" — большой вопрос, причем вопрос далеко не праздный.

Вполне возможна и такая интерпретация "событий", при которой вся история русской социологии указанного автором периода будет рассматриваться как процесс становления социологии в России (вопрос об успешности процесса пока оставим в стороне) и в этом смысле как раз и не будет частью мировой науки.

Но это спор отчасти, конечно, формальный, а некоторая недоговоренность по сему поводу, которую в данном пункте встречаем у Медушевского, в значительной степени искупается конкретным содержанием остальных частей исследования.

Книга "История русской социологии" состоит из трех частей: "Эволюция философских основ русской социологии", "Социология среди других общественных наук", "Социология и политика".

В заключении, подводя итоги своего исследования, автор отмечает, что "проведенное исследование истории русской социологии позволило, во-первых, наглядно представить тот уровень, которого достигла русская социологическая мысль в период своего наивысшего расцвета, к началу XX века; во-вторых, дало возможность лучше понять современные социологические теории; в-третьих, показало необходимость широкого изучения и преподавания истории русской социологии в высшей школе" (с.291).

Метод изложения истории русской социологии, избранный автором, имеет свои положительные и отрицательные стороны. Положительные стороны заключаются в том, что собственно теоретические проблемы истории развития русской социологии удается органично сочетать с изложением взглядов того или иного социолога. Эта сторона исследования А.Н.Медушевского, вообще говоря, заслуживает наиболее высокой оценки. Помимо изложения-анализа системы социологии Б.Н.Чичерина, К.Д.Кавелина, Н.И.Кареева, М.М.Ковалевского, Л.И.Петражицкого и П.А.Сорокина (русского периода), автор дает аналитический обзор социологических воззрений таких сравнительно малоизвестных у нас авторов, как С.А.Муромцев, Н.М.Коркунов, В.И.Сергеевич и других.

Но у подобного подхода есть и отрицательные стороны. Параграф первый первой главы первой части озаглавлен "Гегель и государственная школа". Хронологически, следовательно, история русской социологии, согласно А.Н.Медушевскому, начинается с Б.Н.Чичерина: положение весьма и весьма дискуссионное. Помимо всего прочего, исчезает целый пласт "предыстории" русской социологии, в состав которой непременно должны войти и "Философские письма" П.Я.Чаадаева, полемика славянофилов и западников, теория "официальной народности" — без их детального изучения трудно понять те специфические черты русской социологии, которые во введении отмечает Медушевский.

Весьма заметно и сильное увлечение автора социологическими взглядами русских историков (В.О.Ключевского, П.Н.Милюкова и др.), что отчасти размывает границы социологии "среди других общественных наук" (а без проведения этих границ весьма проблематично говорить вообще о социологии как науке; ведь немало социологических идей можно найти и у русских писателей и даже у поэтов: означает ли это, что их взгляды следует "органично включить" в курс истории русской социологии?). Вообще в этом пункте автор весьма близко подошел к некоей своего рода "тайне" русской социологии: преувеличивая специфичность российской цивилизации, русские социологи с большим трудом приходили к созданию абстракции "общество". Отсюда метания между утверждением "умом Россию не понять" и другой крайностью, когда специфика России

полностью исчезает в сравнении с Западом. Повторим еще раз: подход к истории русской социологии Медушевского столь же спорен, как и продуктивен. Конкретные взгляды конкретных "социологов" изучены им весьма и весьма квалифицированно. Но при этом возможен взгляд на историю русской социологии, при котором "История русской социологии" А.Н.Медушевского будет сочтена и не историей и не историей русской социологии.

Вот почему мне кажется, что книге очень не помешал бы ограничивающий и уточняющий ее содержание подзаголовок.

В целом же обе книги Медушевского являются довольно весомым вкладом в отечественную науку. Можно надеяться, что они по достоинству будут оценены специалистами. Правда, едва ли они будут оценены так называемым широким читателем, ибо написаны довольно сухим научным — местами "реферативным" — языком, что вряд ли будет способствовать их популярности (последние замечания больше относятся к первой книге). Между тем уровень знаний автора, на наш взгляд, вполне достоин того, чтобы темы, которыми он интересуется, стали всеобщим достоянием. Впрочем, последние замечания — это не "критика", а лишь искреннее и (надеюсь) доброе пожелание А.Н.Медушевскому.

В.В.САПОВ